

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА
И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

И. Э. Звечаровский

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Игорь Эдуардович Звечаровский
Ответственность в уголовном праве
Серия «Теория и практика уголовного
права и уголовного процесса»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11279693

*Ответственность в уголовном праве: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс»;
Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-94201-590-2*

Аннотация

В работе на основе теории механизма уголовно-правового регулирования рассматриваются отношения ответственной зависимости в уголовном праве, их нормативно-правовая основа и уголовно-правовые средства ее обеспечения.

Для научных работников, студентов и аспирантов юридических вузов и факультетов, практических работников, специалистов в сфере законотворчества.

Содержание

| | |
|--|----|
| Введение | 4 |
| Глава 1 | 5 |
| § 1. Нормативно-правовая основа и отношения ответственной зависимости в уголовном праве | 6 |
| § 2. Понятие, виды и формы реализации уголовной ответственности | 16 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 21 |

И. Э. Звечаровский

Ответственность в уголовном праве

Введение

Прошло чуть более 15 лет с момента издания нашей работы, посвященной вопросам уголовной ответственности¹. Для темы в основном теоретической – срок небольшой. Тем не менее мы посчитали целесообразным вновь обратиться к ней, исходя из следующих соображений. Во-первых, данная работа носила характер учебного пособия, а сама проблема уголовной ответственности рассматривалась в ней, образно говоря, «в статике», в связи с чем вне поля зрения остались, в частности, вопросы освобождения от нее либо ее исключения. Во-вторых, за истекший период теория юридической ответственности, и уголовной в том числе, неоднократно привлекала внимание научной общественности и в связи с этим в ней были выявлены новые аспекты, в том числе и такой крайний, как ее отрицание. Как и в период, предшествовавший принятию Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., в современной литературе вновь звучали призывы об освобождении уголовного права от «уголовно-ответственных наслоений» и прекращении связанных с ними бесконечных споров в теории². В-третьих, что особенно важно, за прошедшее время кардинально изменилось уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в части регламентации рассматриваемой проблемы: исключены долгое время считавшиеся неизблемыми виды освобождения от уголовной ответственности, связанные с последующим применением иных правовых и неправовых мер воздействия, введены новые; наряду с понятиями ответственности и наказания законодательную «прописку» получило понятие мер уголовно-правового характера; изменился круг субъектов, могущих решать вопросы освобождения от уголовной ответственности, и процедура их оформления.

Так или иначе, но и до настоящего времени ответственность является наиболее трудноуловимой категорией в уголовном праве. Не случайно в большинстве учебных изданий она если и освещается, то не самостоятельно, а при рассмотрении состава преступления как ее основания. Не только для обывателя, но и для профессионального юриста уголовная ответственность зачастую ассоциируется не с самой по себе, а лишь с основной формой ее реализации – уголовным наказанием. Осознавая эти обстоятельства, мы все-таки посчитали излишним в очередной раз глубоко «погружаться» в теорию рассматриваемой проблемы, особенно в части уголовной ответственности за преступление (достаточно обстоятельно представленную в фундаментальных трудах Я.М. Брайтмана, О.Э. Лейста, В.С. Прохорова, Н.М. Кропачева, Ж.И. Овсепян и мн. др.). Вместе с тем отмеченный пробел в какой-то степени восполняется при освещении мер уголовно-правового характера, выяснении соотношения их с уголовной ответственностью во всех ее многообразных позитивных и негативных проявлениях. Учитывая сохраняющееся до настоящего времени весьма критическое отношение к идее позитивной уголовной ответственности, современные, к сожалению, по-прежнему неоднозначные ее трактовки, мы также уделяем особое внимание и этому вопросу.

¹ Звечаровский И.Э. Уголовная ответственность: понятие, виды, формы реализации. Иркутск, 1992.

² См.: Щедрин Н.В., Кылина О.М. Российское уголовное право в контексте доктринальных моделей построения уголовно-правовых санкций // Криминологический журнал. 2008. № 3(5). С. 42.

Глава 1

Ответственность в механизме уголовно-правового регулирования

Решение задач, стоящих перед уголовным законодательством, начинается с вступления уголовного закона в действие и доведения его до всеобщего сведения. С этого момента уголовное право оказывает реальное воздействие на поведение субъектов в рамках общественных отношений, являющихся предметом его регулирования. Именно с этого момента, по общему правилу, на основе норм уголовного закона между государством и адресатами уголовного закона устанавливаются правовые связи по поводу соблюдения уголовно-правовых требований – регулятивные уголовно-правовые отношения. В зависимости от характера реализации либо нереализации этих отношений и уместно говорить о правомерном или неправомерном поведении, а, соответственно, и об его итоге – ответственности в уголовном праве. Таким образом, реалии механизма уголовно-правового регулирования таковы, что в качестве его неотъемлемых элементов выступают три составляющие: норма, правоотношение, ответственность³. Это основные элементы механизма уголовно-правового регулирования, характерного для отраслей права материального содержания. Именно в такой последовательности происходит реальное воздействие права на общественные отношения, и именно этой логике подчиняется структура изложения нормативного материала в уголовном законодательстве⁴. Вне механизма уголовно-правового регулирования – безотносительно нормативной правовой основы и возникающих в связи с этим правовых связей – рассуждения об ответственности абстрактны и малоубедительны⁵. Поэтому рассмотрение вопроса об уголовной ответственности мы предваряем, прежде всего, характеристикой нормативно-правовой основы и отношений ответственной зависимости в уголовном праве.

³ Подробнее см.: *Кропачев Н.М.* Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С. 7–103.

⁴ С соответствующим отражением в курсе уголовного права как учебной дисциплины.

⁵ Недооценка этого обстоятельства наблюдается даже в современных исследованиях уголовной ответственности (см., напр.: *Сверчков В.В.* Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности: Автореф. дис... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2008; *Филимонов В.Д.* Уголовная ответственность по российскому законодательству. М., 2008). Также неполной представляется характеристика механизма уголовно-правового регулирования (или уголовно-правового воздействия) без рассмотрения одного из трех названных его элементов, как это, например, имеет место в монографии Н.А. Лопашенко об уголовно-правовом воздействии, где вопросы уголовной ответственности остались вне поля зрения автора (*Лопашенко Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004).

§ 1. Нормативно-правовая основа и отношения ответственной зависимости в уголовном праве

Нормативно-правовая основа для возникновения уголовного правоотношения, в рамках которого только и можно говорить о поведении лица в сфере уголовно-правового регулирования, о поведении, имеющем уголовно-правовое значение, фокусируется в уголовном законе.

Уголовный закон характеризуется совокупностью формальных и содержательных признаков.

Уголовный закон выступает разновидностью *нормативного правового акта*, под которым, в свою очередь, понимается изданный в установленном порядке акт управомоченного на то органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, устанавливающий правовые нормы, обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, действующие независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, им предусмотренные⁶.

Уголовный закон относится к числу *нормативных правовых актов федерального значения* (ст. 71 Конституции РФ). Это обуславливает: во-первых, принятие его Государственной Думой Федерального Собрания, последующее одобрение Советом Федерации и подписание Президентом Российской Федерации; во-вторых, его прямое действие на всей территории Российской Федерации; в-третьих, подчиненность в рамках национального законодательства Конституции РФ, федеральным конституционным законам и верховенство над законами и иными нормативными актами, принятыми вне пределов исключительного ведения Российской Федерации (ст. 76 Конституции РФ).

При отсутствии легально определенной иерархии между нормативными правовыми актами одинаковой юридической силы (например, между различными федеральными законами) следует исходить из того, что при прочих равных условиях положения материального права имеют приоритет над положениями процессуального права, что из двух положений различных отраслей материального права приоритет имеет положение той отрасли права, которая регламентирует «основной» юридический факт, в связи с которым возникают все последующие правоотношения. Из сказанного следует, что нормы уголовного закона однозначно обладают высшей юридической силой только над нормами смежных с ним отраслей законодательства – уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного. Поэтому необоснованным следует признать положение, например, ст. 28 УПК РФ в первоначальной ее редакции, о возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием лица, совершившего преступление средней тяжести, при том, что согласно ст. 75 УК РФ (далее – УК) на этот момент можно было говорить о действии данного правила применительно только к преступлениям небольшой тяжести. Аналогичный вывод необходимо сделать и по поводу содержания ст. 176 УИК РФ, предусматривающей дополнительные требования к применению условно-досрочного освобождения, в сравнении с содержанием ст. 79 УК в редакции, существовавшей до момента принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ⁷.

⁶ См.: О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: постановление № 19 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2000 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 7. С. 1. – Общетеоретическую характеристику нормативного правового акта см.: Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001. С. 516–518.

⁷ Примечательно, что в последующем соответствующие изменения были внесены не в УПК РФ и УИК РФ, а в ст. 75 и 79 УК.

В свете сказанного показательна позиция Д.И. Тимофеева, который, с одной стороны, считает, что нормы УК и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» обладают одинаковой юридической силой, а с другой – говорит о необходимости дополнения гл. 8 УК положениями ч. 4 ст. 18 последнего, т. е. о включении в перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, такого как причинение вреда при выполнении специального задания⁸. Как представляется, такое обстоятельство действительно заслуживает уголовно-правовой регламентации в рамках гл. 8 УК⁹, но именно потому, что уголовный закон в данном случае имеет приоритет над законодательством об оперативно-розыскной деятельности.

В сравнении с нормативными правовыми актами других отраслей, уголовный закон призван, регулируя, охранять наиболее важные и ценные для личности, общества и государства общественные отношения. Специфика социально-правового назначения уголовного закона предопределяет и специфику средств, направленных на их решение. *Уголовному закону присущ наиболее репрессивный, в большинстве своем карательный режим правового регулирования и охраны.* Во-первых, только данный нормативный правовой акт федерального значения определяет круг главных (наиболее общественно опасных) правонарушений – преступлений. Во-вторых, только уголовный закон предусматривает меры уголовно-правового реагирования на совершенное преступление (меры уголовно-правового характера)¹⁰, в том числе самые суровые наказания в праве – наказания, связанные с лишением свободы или даже – лишением жизни человека, преступившего черту уголовного закона. В-третьих, только уголовный закон, предусматривая основания и принципы уголовной ответственности, предусматривает и исчерпывающий перечень случаев освобождения от этой ответственности, в том числе в такой ее форме, как наказание.

С учетом приведенной характеристики *уголовный закон* можно определить как *нормативный правовой акт федерального значения, посредством которого определяются: принципы уголовного права, круг деяний, признаваемых преступлениями, меры наказания за их совершение, а также другие меры уголовно-правового характера, применяемые в связи с поведением, имеющим уголовно-правовое значение; основания и виды освобождения от уголовной ответственности, наказания и от его отбывания; вопросы погашения и снятия судимости.*

Таким образом, именно социально-правовым назначением, а соответственно и содержанием нормативного материала, уголовный закон отличается от других одно порядковых нормативных правовых актов.

Согласно ч. 1 ст. 1 УК «уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». Отсюда следует, что внешней (видимой) *формой выражения уголовного закона* в условиях современной российской действительности выступает Уголовный кодекс как единый сводный законодательный акт, представляющий собой систему внутренне согласованных и взаимосвязанных между собой нормативных установлений, призванных, регулируя, охранять наиболее важные и ценные общественные отношения, указанные в ч. 1 ст. 2 УК. Следует, однако, иметь в виду два обстоятельства.

⁸ Тимофеев Д.И. Уголовная ответственность участников оперативного внедрения // Правовая реформа в России. Екатеринбург, 2008. С. 252–253.

⁹ Аргументы в пользу принятия такого решения см., напр.: Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 160–162.

¹⁰ Следует отметить, что меры правового характера, которые могут быть применены к лицу в связи с совершением им преступления, предусмотрены не только в уголовном, но и, например, в гражданском законодательстве (в частности, те, которые предусмотрены в ст. 1066, 1067 ГК РФ).

Прежде всего, необходимо учитывать (и это обстоятельство прямо предусмотрено в ч. 1 ст. 1 УК), что наряду с Уголовным кодексом формой выражения уголовного закона могут выступать отдельные федеральные законы, принимаемые в текущем порядке и не обладающие признаками кодифицированного нормативного правового акта. Примером может служить Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹¹, многочисленные нормы которого до момента «чисто» технического включения их в существующий, ранее изданный в печати текст УК РФ 1996 г. действовали как бы самостоятельно от Уголовного кодекса. Можно предположить, что аналогичной формой выражения уголовного закона будут выступать федеральные законы военного времени, которые должны применяться в случае совершения преступлений против военной службы в военное время или в боевой обстановке (ч. 3 ст. 331 УК). Правда, в подобных случаях формой выражения (формой «жизни») уголовного закона вполне могут выступать и нормативные правовые акты комплексного межотраслевого характера, включающие в свое содержание нормы различных отраслей законодательства, образующие в своей совокупности по предмету правового регулирования то, что в ч. 3 ст. 331 УК называется «законодательством Российской Федерации военного времени». Однако несмотря на форму выражения уголовного закона, представляется, что такого рода законодательство должно *разрабатываться и приниматься (вступать в силу)* до наступления боевой обстановки или военного времени. В связи с наступлением названных обстоятельств (обычно не планируемых заранее) нужно говорить уже о другом: о *вступлении в действие* законодательства военного времени.

Далее сложилось так, что в теории уголовного права, как правило, не проводится разграничений между понятиями уголовного закона и уголовного законодательства¹². Не проводит такой границы и законодатель, употребляя в разделе I УК «Уголовный закон» практически как равнозначные понятия уголовного закона, уголовного законодательства и Уголовного кодекса. Представляется, что такое отождествление может иметь место только в том случае, если названные понятия совпадают по объему содержания и структуре нормативного материала. Строго же говоря, равнозначными в условиях российской действительности могут быть только два последних понятия, поскольку фактически все уголовное законодательство России на сегодняшний день представлено только в Уголовном кодексе как в кодифицированном нормативном правовом акте, чего может быть лишен уголовный закон в предложенном выше понимании¹³. В отличие от последнего уголовное законодательство включает в себя все нормативные акты уголовно-правового характера, с формальной точки зрения – все источники норм уголовного права; оно, в отличие от закона, иначе систематизировано и подчинено иной внутренней логике. В связи с этим вряд ли юридически корректно подменять характеристику уголовного закона характеристикой Уголовного кодекса, как это порой имеет место, особенно в учебной литературе¹⁴.

Содержание уголовного законодательства фокусируется в уголовно-правовой норме, которая представляет собой общезначимое и общеобязательное правило поведения, имеющее представительско-обязывающий характер, устанавливаемое и обеспечиваемое государством. Правовая норма находит свое выражение в тексте нормативного правового акта, если

¹¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

¹² Исключение из этого «правила» см., напр.: Уголовное право России. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Ф.Р. Сундурова. Казань, 2003. С. 74–89. – Об этом также см.: Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 221–229.

¹³ Поэтому с большой долей условности можно считать верными распространенные суждения о том, что российский уголовный закон носит кодифицированный характер (см., напр.: *Лопашенко Н.А.* Указ. соч. С. 87).

¹⁴ См., напр.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рагога, А.И. Чучаева. М., 2004. С. 16–19.

же говорить об уголовно-правовой норме – в тексте уголовного закона, в его конкретных статьях. При этом уголовно-правовая норма и статья закона соотносятся между собой как содержание и форма.

При желании нормативный материал уголовного права может быть классифицирован по всем известным в общей теории права критериям¹⁵. Наиболее же показательным с точки зрения юридической характеристики отраслевой нормы права выступает такой, как способ правового регулирования и форма выражения в тексте закона. По данному основанию уголовно-правовые нормы подразделяются на следующие виды:

- запрещающие (большая часть норм, закрепленных в статьях Особенной части УК, например, ст. 105–123, гл. 17–18, 21 и др.);
- обязывающие (закрепленные, например, в ст. 124, 125, 157, 194, 270 УК);
- управомочивающие (закрепленные, например, в ст. 64, 75, 76, 80–82 УК);
- поощрительные (закрепленные, например, в ст. 31, в примечаниях к ст. 205, 205.1, 206, 208, 210, 275, 291 УК).

Как уже отмечалось ранее, свою социальную роль уголовный закон выполняет преимущественно посредством запрещающих и обязывающих норм. Именно эти нормы придают специфику методу уголовно-правового регулирования, и именно об этих нормах обычно идет речь при характеристике *уголовно-правовой нормы*. Такого рода норма – *это официально признанное и надлежащим образом закрепленное в Особенной части УК правило поведения, изложенное в негативной форме, соблюдение которого обеспечивается угрозой применения уголовного наказания*. Формулировку «правило поведения, изложенное в негативной форме» следует трактовать в том смысле, что в отличие от обычных норм-правил, в уголовно-правовых нормах, вытекающих из содержания Особенной части УК, содержится описание признаков поведения (деяния), от которого следует воздерживаться (например, от похищения человека – ст. 126 УК). В свете сказанного следует критически оценить широко распространенную в литературе практику, во-первых, характеризовать нормы-запреты через такой признак, как «правило поведения», а во-вторых, давать единое определение понятия нормы уголовного права, игнорируя тот факт, что содержание уголовного законодательства составляют и другого рода нормы права: нормы-принципы, дефинитивные, управомочивающие нормы¹⁶.

Содержание нормы права, и уголовного в том числе, образует определенным образом упорядоченная совокупность таких элементов, как гипотеза, диспозиция и санкция. Система (структура) связей между названными элементами образует норму права как логическое целое, которое в уголовном законе выражается в форме статьи (или нескольких статей). Поэтому норма права и статья закона соотносятся между собой как содержание и форма. Вместе с тем с учетом требований законодательной техники (в частности, рационального размещения нормативного материала в зависимости от его функционального назначения, избежания повторов) отдельно взятые статьи уголовного закона сами по себе структурно завершенных норм в большинстве своем не содержат¹⁷. Именно в связи с этим возникает потребность установления содержания уголовно-правовой нормы посредством анализа уголовного закона в целом (а порой и нормативных актов не уголовно-правового характера).

¹⁵ Об этом, напр., см.: *Алексеев С.С.* Общая теория права: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 64–81; *Поляков А.В.* Указ. соч. С. 484–195.

¹⁶ Это характерно даже для работ, специально посвященных рассматриваемому вопросу (см., напр.: *Филимонов В.Д.* Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 12–15).

¹⁷ Игнорирование этого обстоятельства нередко приводит к выводу о том, что норма уголовного права якобы в силу своей специфики содержит только два элемента в своей структуре – гипотезу (или диспозицию, отождествляемую с гипотезой) и санкцию. В утверждениях подобного рода вопрос о структуре нормы уголовного права фактически подменяется вопросом о структуре статьи Особенной части УК.

Гипотеза нормы уголовного права содержит указание на обстоятельства, при которых данная норма подлежит сначала соблюдению, а в случае ее «нарушения» – применению. Эти обстоятельства могут характеризовать время действия нормы (в частности, военное время, боевая обстановка – ч. 3 ст. 331 УК, время исполнения обязанностей военной службы – ч. 1 ст. 334 УК), место или ситуацию действия нормы (в частности, территория заповедника, заказника либо зона экологического бедствия – п. «г» ч. 1 ст. 258 УК, бедствие на море или на ином водном пути – ст. 270 УК), потенциального и реального субъекта преступления (в частности, достижение восемнадцатилетнего возраста – ст. 150 УК, лицо, обязанное хранить факт усыновления или удочерения – ст. 155 УК, служебное или должностное положение – ст. 288, 290 УК) и т. п.

Диспозиция нормы уголовного права содержит указание на признаки преступного поведения (деяния) и с этой точки зрения она всегда является «описательной». Диспозиция нормы уголовного права не может быть ни «простой», ни «бланкетной», ни «ссылочной», если ее не отождествлять с диспозицией статьи (части статьи) Особенной части УК. Именно содержание последней, обусловленное особенностями законодательной техники, может ограничиваться указанием лишь на понятие преступного деяния, не раскрывая его признаков (например, незаконная охота – ст. 258 УК), на нарушение правил не уголовно-правового характера, повлекших за собой причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны, не воспроизводя норм самих этих правил (например, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств – ст. 264 УК), либо ссылкой на другие статьи УК (например, как это имеет место в ст. 112 УК).

Санкция нормы уголовного права содержит указание на уголовно-правовые последствия преступного деяния, признаки которого определены в диспозиции. Пожалуй, это единственный элемент в структуре нормы уголовного права, который в целом совпадает с аналогичным элементом структуры статьи (части статьи) Особенной части УК.

Если же названные элементы нормы уголовного права наполнить содержанием положений Общей и Особенной частей УК применительно к одному и тому же виду преступления, то при прочих равных условиях (в частности, при одинаковом уголовно-правовом статусе субъекта преступления) уголовно-правовая норма, устанавливающая ответственность, например за кражу (ч. 1 ст. 158 УК), может быть сформулирована следующим образом: «Если физическое лицо (гражданин РФ, иностранный гражданин, лицо без гражданства), достигшее 14-летнего возраста, совершит во вменяемом состоянии с корыстной целью противоправное тайное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в свою пользу или в пользу других лиц с причинением ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества, то при отсутствии обстоятельств, исключающих преступность содеянного, и при неистечении сроков давности уголовного преследования оно наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года, либо арестом на срок от двух до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет».

Нормы права, и уголовного в том числе, реализуются в правоотношениях. Как уже отмечалось ранее, с момента вступления уголовного закона в действие и доведения его до всеобщего сведения между государством и адресатами уголовного закона устанавливаются правовые связи по поводу соблюдения уголовно-правовых требований – *регулятивные* уголовно-правовые отношения.

В качестве сторон (субъектов) регулятивного уголовно-правового отношения выступают государство и конкретные физические лица, обязанные в силу своего правового ста-

туса исполнять требования уголовного закона и, как следствие, способные нести неблагоприятные уголовно-правовые последствия в случае его нарушения.

В теории уголовного права при обозначении одной из сторон регулятивного уголовно-правового отношения обычно употребляется термин «граждане» (т. е. физические лица). Между тем обязанности, вытекающие из уголовно-правовых запретов, возлагаются не на всех без исключения граждан, а только на тех из них, которые являются субъектами уголовной ответственности, т. е. обладают соответствующим уголовно-правовым статусом (например, в силу достижения возраста уголовной ответственности, выполнения определенных профессиональных или служебных функций)¹⁸. А потом такого рода запреты возлагают обязанности не только на граждан, но и на лиц без гражданства и иностранных граждан (опять же при наличии вышеприведенного условия). Поэтому при обозначении одной из сторон уголовного правоотношения термином «граждане» необходимо иметь в виду условный характер этого определения, учитывая к тому же его содержательную нагрузку в гражданском законодательстве (гл. 3 ГК РФ).

Содержание правоотношения составляют права и обязанности его сторон. В рамках реализации регулятивных уголовно-правовых отношений на граждан как субъектов правоотношения возлагается обязанность не совершать запрещенных уголовным законом деяний. Эта обязанность может быть реализована двумя путями: воздержанием от совершения общественно опасных уголовно-противоправных деяний, предусмотренных, например, ст. 105, 126, 158 УК, либо выполнением определенных уголовно-правомерных действий, регламентированных, например, ст. 124, 125, 293 УК. Граждане, обязанные соблюдать требования уголовного закона, имеют право требовать от государства создания надлежащих условий для выполнения возложенных на них уголовно-правовых обязанностей (например, принятия необходимых мер по доведению до сведения адресатов требований уголовного закона, доступности в уяснении смысла законодательных формулировок). Названным правам и обязанностям граждан корреспондируют права и обязанности государства как субъекта регулятивных уголовно-правовых отношений: право требовать от обязанной стороны определенного уголовно-правомерного поведения и право применить к виновному меры уголовно-правового характера, обязанность создать необходимые условия для реализации уголовно-правовых требований в поведении граждан.

Таким образом, в рамках уголовно-правовых отношений взаимодействуют юридически равные субъекты: праву каждого из них соответствует обязанность другого, обязанности – противостоит право¹⁹.

При условии достижения возраста уголовной ответственности и вменяемости лица – субъекта уголовной ответственности – обязанность соблюдать требования уголовного закона возникает с момента доведения до всеобщего сведения вступившего в действие уголовного закона. Возраст и вменяемость лежат в основе всех уголовно-правовых запретов, порождающих регулятивные уголовно-правовые отношения. Однако в некоторых случаях возникновение такой обязанности поставлено законодателем в зависимость от наступления дополнительных обстоятельств (юридических фактов, событий). Так, например, обязанность соблюдать требования ст. 157 УК возникает не с момента вступления УК в силу, а с момента вынесения решения суда об уплате средств на содержание несовершеннолетних детей или нетрудоспособных родителей. Обязанность соблюдать требования ст. 316 УК – с момента получения достоверных сведений о готовящихся или совершенных особо тяжких преступлениях; ст. 270 УК – с момента обнаружения бедствия на море или на ином водном

¹⁸ Н.М. Кропачев называет их «деликтоспособными субъектами» (см.: Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 205).

¹⁹ См.: Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 102

пути. Помимо названных обстоятельств возникновение обязанности соблюдать требования уголовного закона (возникновение регулятивного уголовно-правового отношения) может быть поставлено в зависимость от признаков, характеризующих личность, – от гражданства, должностного положения, отношения к военной службе и т. п. Поэтому в подобных случаях необходимо различать вопросы действия уголовного закона во времени и реализации закона в правоотношении. В противном случае можно прийти к неправильному выводу о том, что уголовные законы, определяющие ответственность за деяния, совершенные в особых условиях или обстоятельствах, вступив в силу, не действуют до наступления указанных в законе обстоятельств и теряют силу с устранением (изменением) таких условий или обстоятельств²⁰.

Регулятивные уголовно-правовые отношения реализуются в правомерном с точки зрения уголовного закона поведении граждан. Причем такие отношения могут складываться не только в сфере докриминального (до совершения преступления), но и в сфере посткриминального (после совершения преступления) уголовно-правового регулирования. Совершив преступление, субъект, хотя и с изменившимся уголовно-правовым статусом, по-прежнему по отношению к уголовно-правовым запретам, в том числе и по отношению к уже нарушенному, сохраняет статус субъекта законопослушного поведения, субъекта регулятивного уголовно-правового отношения.

В теории уголовного права выделение регулятивных уголовно-правовых отношений нередко ставится под сомнение. При этом утверждается, что в отличие от других отраслей права уголовное право не регулирует, а только охраняет общественные отношения, способствуя тем самым их укреплению и развитию; что соблюдение требований уголовного закона не имеет уголовно-правового значения, поскольку уголовный закон действует только в случае совершения преступлений. Показательно, что даже в одном из последних исследований, специально посвященных уголовно-правовому воздействию, последнее трактуется как основанное на уголовном законе принуждающее влияние посредством лишения или ограничения прав и свобод *лица, совершившего преступление*; такое влияние осуществляется *в ответ на совершение преступлений* в целях их специального предупреждения²¹. В.Д. Филимонов предлагает решать рассматриваемую проблему дифференцированно: «уголовно-правовые отношения предупредительного характера», по мысли автора, возникают только тогда, когда «граждане в силу сформировавшихся в их сознании антиобщественных свойств становятся лицами, способными совершить преступные действия. В качестве юридического факта, порождающего эти уголовно-правовые отношения, в данном случае выступает объективная возможность совершения ими преступления.

Другие граждане – граждане, которые в силу присущих им нравственных свойств сознательно и добросовестно выполняют возлагаемые на них законом обязанности, – в уголовно-правовые отношения с государством не вступают. Уголовное право к ним никакого отношения не имеет»²².

Подобные суждения представляются спорными в силу целого ряда обстоятельств. Во-первых, норма права, к какой бы отрасли права она ни принадлежала, не может «только регулировать» или «только охранять». Уголовно-правовая норма едина в своих функциях: охраняя, она регулирует, и, регулируя, – охраняет²³. Во-вторых, думается, не нуждается в доказательстве положение о том, что реализация уголовно-правовых запретов в поведении

²⁰ См.: Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск, 1989. С. 69.

²¹ См.: Фирсова А.П. Объект уголовно-правового воздействия: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9, 13.

²² Филимонов В.Д. Указ. соч. С. 69–70.

²³ Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Указ. соч. С. 44.

субъектов уголовной ответственности свидетельствует об их позитивном (хотя бы внешне) отношении к правоохраняемым интересам. Если же уголовно-правовое воздействие в предложенном выше понимании полностью выводится из регулирующего воздействия уголовного права, фактически «отрывается» от него, то каким образом эти два явления – воздействие и регулирование – объединяются в рамках уголовно-правовых отношений, о чем говорит автор приведенной концепции²⁴. При такой постановке вопроса уголовному праву (читай – «уголовному закону») отводится своеобразная роль сторожа существующего общественного уклада. Оно низводится до роли статиста: его удел «создавать» предпосылки для преступления (нормы-запреты) и должным образом реагировать на их совершение.

В связи с обсуждаемой проблемой следует уточнить: кто понимается под субъектом законопослушного поведения? При двух существующих в литературе взглядах на этот вопрос: субъект законопослушного поведения – потенциальный преступник, и субъект – каждый, кто является участником общественных отношений, регулируемых уголовным правом, обоснован лишь второй. В утверждениях о том, что уголовно-правовые запреты адресуются не всем гражданам, а только тем из них, которые склонны к совершению преступления, по существу происходит смешение юридического и социально-психологического механизмов действия уголовно-правовой нормы: ставится знак равенства между тем, кому адресована норма, и тем, как она воспринимается адресатом²⁵. Субъектами законопослушного поведения в уголовном праве являются все те, кто в силу выполнения определенных социальных ролей в общественных отношениях, регулируемых и охраняемых уголовным законом, будучи субъектом уголовной ответственности, поступает правомерно, а не только те, кого от совершения преступления удерживает угроза уголовного наказания, т. е. потенциальные преступники. Каждый субъект преступления является, прежде всего, субъектом регулятивных уголовно-правовых отношений, и только поэтому при виновном совершении общественно опасного уголовно-противоправного деяния он становится субъектом преступления. Но далеко не каждый субъект уголовной ответственности становится субъектом преступления.

В оценке юридического значения поведения, соответствующего уголовно-правовым нормам, важен и другой момент. Вывод об ответственном или безответственном поведении предполагает оценку данного конкретного варианта поведения с точки зрения конкретных социальных норм, а применительно к поведению, соответствующему требованиям уголовного закона, – уголовно-правовых норм. Такое поведение можно считать ответственным в общесоциальном смысле, но только при одном условии: если оно правомерно с точки зрения уголовного закона.

В случае нарушения уголовного закона субъектом уголовной ответственности возникает обязанность отвечать за его нарушение. Тем самым происходит изменение правового статуса субъекта уголовно-правового отношения. Гражданин как субъект регулятивного уголовно-правового отношения становится субъектом *охранительного* уголовно-правового отношения. Последнее возникает с момента совершения преступления и представляет собой отношение (правовую связь) между государством и лицом, совершившим преступление, по поводу уголовной ответственности за него.

В юридической литературе встречаются суждения, согласно которым возникновение охранительного уголовно-правового отношения связывается с различными стадиями процессуальной деятельности – возбуждением уголовного дела, привлечением лица в качестве обвиняемого, вступлением обвинительного приговора в законную силу. С этими утверждениями нельзя согласиться по следующим основаниям: 1) уголовно-правовое отношение,

²⁴ Фирсова А.П. Указ. соч. С. 13.

²⁵ См.: Прохоров В.С. У тага. соч. С. 78.

возникающее на основе норм уголовного закона вследствие совершенного преступления, существует объективно и не зависит от усмотрения правоохранительных органов. Последние лишь устанавливают и конкретизируют содержание уже существующего уголовно-правового отношения; 2) согласно действующему уголовному законодательству преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим не в момент вынесения того или иного процессуального акта, а во время совершения преступления (ч. 1 ст. 9 УК); 3) срок давности привлечения к уголовной ответственности исчисляется со дня совершения преступления (ч. 1, 2 ст. 78 УК).

Содержание охранительного уголовно-правового отношения, возникающего вследствие совершенного преступления, качественно отличается от содержания регулятивного уголовно-правового отношения: обязанности лица, совершившего преступление, понести уголовную ответственность и наказание соответствует право государства возложить ответственность и наказание на виновного с учетом общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Праву лица, совершившего преступление, подлежат уголовной ответственности и наказанию только за совершенное им деяние и на индивидуализацию ответственности и наказания соответствует обязанность государства выполнить это требование.

В своем развитии охранительное уголовно-правовое отношение может проходить ряд стадий:

1) с момента совершения преступления до момента вступления обвинительного приговора в законную силу – уголовно-правовое отношение по поводу преступления;

2) с момента вступления обвинительного приговора в законную силу до момента отбытия назначенного судом наказания либо освобождения от отбывания наказания – уголовно-правовое отношение по поводу наказания;

3) с момента отбытия назначенного судом наказания (либо освобождения от отбывания наказания) до момента погашения или снятия судимости – уголовно-правовое отношение по поводу судимости²⁶.

В процессе реализации охранительного уголовно-правового отношения его содержание, а соответственно, и стадии могут изменяться в силу наступления юридических фактов, связанных с деятельностью его субъектов. Например, в зависимости от характера поведения лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы, у него может возникнуть право на досрочное освобождение от дальнейшего отбывания наказания (ч. 1 ст. 79 УК) либо, напротив, обязанность претерпеть более суровые ограничения, чем те, которые это лицо уже испытывает (ст. 314 УК). В случае неприведения обвинительного приговора в исполнение в установленные законом сроки, при отсутствии обстоятельств, приостанавливающих течение давности, осужденный имеет право требовать освобождения от наказания, а государство обязано его выполнить (ст. 83 УК). Реализация охранительного уголовно-правового отношения может быть прекращена уже на первой стадии его развития, когда, например, в силу добровольного заявления лица о даче взятки, это лицо освобождается от уголовной ответственности (примечание к ст. 291 УК).

Основанием изменения содержания охранительного уголовно-правового отношения могут выступать и обстоятельства, непосредственно не зависящие от воли его субъектов. Например, изменение социально-экономической обстановки, вызвавшее утрату общественной опасности уголовно-противоправного деяния, может являться основанием для освобождения лица, его совершившего, от наказания (ст. 80.1 УК)²⁷.

²⁶ Об этом также см.: *Филлимонов В.Д.* Указ. соч. С. 114–121.—В литературе иногда говорят не о стадиях (этапах) правоотношения, а о стадиях юридической ответственности, фактически отождествляя эти понятия (см., напр.: *Иванов А.А.* К вопросу о стадиях юридической ответственности // *Российский следователь.* 2009. № 6. С. 11–13).

²⁷ И остается непонятным, почему при наличии таких изменений до момента осуждения лица, совершившего преступ-

Таким образом, возникнув вследствие совершенного преступления, охранительное уголовно-правовое отношение может прекращаться: при освобождении от уголовной ответственности по различным основаниям, в том числе в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности; при освобождении от наказания по различным основаниям, в том числе в связи с истечением срока давности исполнения обвинительного приговора; в силу актов амнистии или помилования; по причине смерти лица, совершившего преступление; в результате изменения уголовного законодательства; в результате снятия или погашения судимости. Судимость, как правовое состояние лица, совершившего преступление, возникающее при осуждении его к конкретной мере наказания, прекращается либо ее досрочным снятием, либо погашением в течение сроков, предусмотренных в ст. 86 УК. Погашение или снятие судимости прекращает все правовые последствия, связанные с судимостью, а значит и с совершением преступления.

Объектом правоотношения (т. е. тем, на что направлено правоотношение) является такое социальное явление, на которое ради желаемого воздействия сначала норма, а затем и правоотношение направляют деятельность людей²⁸. Если объектом регулятивного уголовно-правового отношения является сохранение и развитие общественных отношений, регулируемых уголовным правом, то объектом охранительного уголовно-правового отношения – их «восстановление» после преступного на них посягательства.

В связи с характеристикой отношений ответственной зависимости, складывающихся «вокруг» преступления, необходимо учитывать, что в этой сфере уголовно-правового регулирования могут возникать отношения, порождаемые хотя и уголовно-противоправными, но не преступными деяниями (деяниями, не достигающими «качества» преступления). Примерами такого рода деяний (уголовно-противоправного поведения) могут служить: злостное уклонение от отбывания наказания в виде исправительных работ (ч. 4 ст. 50 УК), ограничения свободы (ч. 4 ст. 53 УК). Уголовно-противоправное непроступное поведение может быть выражено в систематическом или злостном неисполнении условно осужденным возложенных на него судом обязанностей (ч. 3 ст. 74 УК).

ление, либо уже в процессе исполнения назначенного судом наказания, после его отбытия до погашения или снятия судимости уголовный закон никак на них не реагирует: не предусматривает возможности, соответственно, освобождения от уголовной ответственности, от отбывания наказания, досрочного снятия судимости?

²⁸ См.: Прохоров В.С. Указ. соч. С. 102.

§ 2. Понятие, виды и формы реализации уголовной ответственности

Юридическая ответственность представляет собой одну из форм проявления социальной ответственности. Ответственность как философско-социологическая категория отражает объективно необходимые взаимоотношения между личностью, коллективом, обществом, выражающие исторически конкретный характер их взаимных обязанностей, реализующихся в сознательном и волевом поведении и деятельности²⁹.

Категория юридической ответственности находит свое выражение в правовой связи между государством и личностью по поводу правовых требований. В связи с этим, в зависимости от субъекта отношений ответственной зависимости (государство или личность), об ответственности можно говорить на двух уровнях, а соответственно, и в двух значениях: на уровне того, *кто* предъявляет правовые требования, и на уровне того, *кому* эти требования адресованы. В первом случае ответственность (на уровне государства) – это правовое последствие, сопровождающее правовые требования. Во втором ответственность (на уровне личности) – это ответ на предъявляемые правовые требования, т. е. правомерное или неправомерное поведение³⁰. Характер ответной реакции личности на предъявленные правовые требования обуславливает и характер ответа государства и общества на поведение индивида. Именно в смысле реакции государства на правовое поведение субъекта употребляется термин «ответственность» в правоведении.

По своей природе и характеру влияния на общественные отношения юридическая ответственность занимает центральное место в системе социальной ответственности. В то же время основные положения теории социальной ответственности органически присущи учению об ответственности в праве, и в уголовном в том числе.

Юридическая ответственность отличается от иных форм социальной ответственности тем, что она, имея в своей основе нормы права, *опирается на государственно-властный механизм реализации и обеспечения*.

Правовые требования находят свое закрепление в нормах права. В зависимости от отраслевой принадлежности источника правового поведения – нормы права – юридическая ответственность подразделяется на уголовно-правовую, гражданско-правовую, административно-правовую и т. д. С этой точки зрения уголовная ответственность, во-первых, должна быть последствием только уголовно-правового, а никакого иного правового поведения, и, во-вторых, она должна быть именно уголовной, а никакой иной правовой (а тем более неправоковой) ответственностью.

Таким образом, *уголовная ответственность* как разновидность юридической ответственности в самом общем виде – *это правовое последствие уголовно-правового поведения*. Последнее включает в себя правомерное и неправомерное уголовно-правовое поведение. Правомерное уголовно-правовое поведение может выражаться не только в соблюдении требований уголовно-правовых запретов, содержащихся в Особенной части УК, но и в соблю-

²⁹ См... Минкина Н.А. Воспитание ответственностью. М., 1990. С. 23. —Нельзя не обратить внимание на то, что до настоящего времени в отечественном правоведении производность юридической ответственности от ответственности социальной в лучшем случае просто констатируется, в худшем – юридическая ответственность преподносится как уже нечто данное, как атрибут исключительно государственного принуждения (см., напр.: Овсяян Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение. Ростов н/Д, 2005).

³⁰ И хотя поведение и его правовые последствия – это суть взаимосвязанные явления, их отождествление нередко приводит к полемике по различным основаниям: противопоставлению ответственности в собственном смысле слова (правового последствия правового поведения) ее основаниям – правомерному или неправомерному поведению (см., напр.: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. М., 2008. С. 71).

дении требований, предъявляемых к лицу в связи с совершением преступления. Неправомерное уголовно-правовое поведение выражается в несоблюдении названных требований. Оно включает в себя не только преступное, но и не преступное поведение. В зависимости от характера уголовно-правового поведения – правомерного или неправомерного – и соответствующих ему уголовно-правовых последствий, уголовная ответственность подразделяется на два вида: ответственность за правомерное уголовно-правовое поведение – *позитивную* ответственность, и ответственность за неправомерное уголовно-правовое поведение – *негативную* ответственность. Иными словами, ответственность такова, какова правовая деятельность субъекта³¹.

Позитивная уголовная ответственность и формы ее реализации

С начала 60-х годов прошлого столетия в отечественном правоведении параллельно с развитием взглядов на традиционное видение юридической ответственности как последствия правонарушения стало формироваться направление, суть которого выражалась в констатации юридических отношений ответственной зависимости уже до момента совершения преступления. Впоследствии такого рода юридическая ответственность в противовес традиционно понимаемой ответственности стала обозначаться в литературе как «активная», «перспективная» («проспективная»), «позитивная»³². Поскольку существование традиционной негативной юридической ответственности при этом, естественно, под сомнение не ставилось, постольку оба вида юридической ответственности были объединены в единую юридическую ответственность и получили статус ее (ответственности) аспектов, сторон. Конечным итогом широкого понимания ответственности в праве (и уголовном в том числе) явилась трактовка ответственности в качестве единства двух аспектов: позитивного и негативного.

В современных исследованиях проблемы уголовной ответственности можно выделить также два направления, основное различие между которыми заключается в неодинаковом определении содержания самого предмета исследования. В одном случае его содержание исчерпывается анализом отношений ответственной зависимости, возникающих в связи с фактом совершения преступления; ответственность трактуется исключительно в смысле неблагоприятных правовых последствий преступления («узкое», «традиционное» понимание ответственности). В другом, наряду с указанной группой отношений ответственной зависимости, в предмет исследования включаются отношения, предшествующие факту совершения преступления; последним также придается уголовно-правовое значение («широкое» понимание ответственности). Здесь ответственности за преступление предшествует «ответственность как обязанность соблюдать требования уголовного закона», «ответственность как правовые требования», «ответственность как выполнение должного», «ответственность как социальный (правовой) долг». Приоритет во времени формирования указанных направлений в исследовании ответственности, несомненно, принадлежит осмыслению ответственности в качестве последствия правонарушения (преступления). Это в свою очередь обусловило и современный уровень разработанности названных направлений: при всей своей противоречивости концепция «ответственность – правовое последствие право-

³¹ Воспроизводя тезис о том, что правомерное поведение человека влечет позитивную ответственность, а неправомерное (противоправное) – негативную, В.В. Сверчков, вместе с тем, трактует уголовную ответственность как «способность лица при наличии уголовно-правового основания воспринимать субъективное (внутреннее, психологическое) и (или) объективное (внешнее, социальное) воздействия одобрением либо осуждением» (Сверчков В.В. Указ. соч. С. 15–16).

³² Иногда понятие позитивной «формы ответственности» употребляется наряду с перспективной юридической ответственностью, как это делает, например, В.В. Сверчков, трактуя последнюю как «чувство ответственности» (Сверчков В.В. Указ. соч. С. 15).

нарушения» разработана гораздо глубже и всестороннее, чем концепция широкого понимания ответственности.

Идея позитивной юридической ответственности неоднозначно оценивается в правовой литературе. Спектр мнений по этой проблеме фокусируется на решении двух основных вопросов: а) имеет ли позитивная ответственность правовое содержание? б) в чем конкретно может быть выражена позитивная юридическая ответственность, и каково ее практическое значение?

При всех разногласиях во взглядах на проблему позитивной юридической ответственности в современной правовой литературе практически все ученые в той или иной форме признают положение о разновидности, производности юридической ответственности от ответственности социальной. Это характерно даже для тех работ, в которых уголовная ответственность рассматривается как «чисто правовое явление»³³.

Социальная ответственность представляет собой диалектическое единство позитивного и негативного. Логично предположить, что это единство должно сохраняться и присутствовать в отдельных формах социальной ответственности, в том числе и уголовной. И в этом случае обсуждаться должны уже имеющиеся варианты практической реализации тезиса о производности юридической ответственности от ответственности социальной.

Рассмотрение юридической ответственности с широких социально-философских позиций первоначально нашло свое выражение в выделении, наряду с традиционно понимаемой ответственностью за правонарушение, ответственности как осознания своего поведения в правовой сфере, его последствий и социальной значимости, как обязанности субъекта права действовать в рамках правовых требований. Между тем подобный взгляд на юридическую ответственность акцентирует внимание лишь на одном из аспектов содержания отношений ответственной зависимости – субъективном. Именно с субъективной стороны социальная ответственность выражается в отношении индивида к общественным интересам с точки зрения их правильного понимания и выполнения им своих обязанностей, вытекающих из социальных норм. Но если учесть, что критерием оценки «помыслов и чувств личности» служит только реальное поведение, «действие личности»³⁴, что право имеет дело лишь с теми действиями, которые имеют внешне наблюдаемую форму выражения, регулирует только социальные действия, а трактуемая таким образом позитивная юридическая ответственность лишена названных свойств, то отсюда вполне закономерен вывод, к которому и приходят многие противники позитивной ответственности в праве: позитивная юридическая ответственность имеет в целом общесоциальный характер, связана с социальным правом и моралью – в ней нет или почти нет юридической специфики. Как отмечал в связи с этим А.С. Булатов, позитивная юридическая ответственность – это важнейший психологический регулятор поведения, представляющий собой «чувство ответственности», понимаемое не в качестве категории права, а в качестве категории правосознания³⁵.

Рассуждая об обоснованности придания юридического «статуса» позитивной ответственности, нельзя отдельные структурные элементы ответственных действий субъекта выдавать за саму ответственность. Конструкция позитивной ответственности, включающая в себя лишь «познавательную» и «волевою» ответственность – сознание и чувство ответственности, – действительно уязвима. При всей значимости результатов познавательной

³³ В. Д. Филимонов, придерживающийся такой позиции, тем не менее, говорит о возможности объединения «ретроспективной» и «перспективной» ответственности общим философским понятием ответственности, выделяя при этом еще и специальную главу в своей работе «Социальные и правовые основания уголовной ответственности» (Филимонов В.Д. Указ. соч. С. 8, 12–56).

³⁴ См.: Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 1. С. 423–24.

³⁵ Булатов А.С. К вопросу о позитивной юридической ответственности // Вестник ЛГУ. Серия: экономика, философия, право. 1984. Вып. 3. С. 127.

и волевой ответственности, они характеризуют ответственность субъекта лишь *потенциально*. Реально же об ответственности или безответственности социального субъекта можно судить по его поведению и деятельности, т. е. по заключительной стадии формирования субъекта ответственных действий – по «практической ответственности»³⁶. Юридической оценке, прежде всего, подлежит именно такая «ответственность», т. е. результаты внешнего проявления поведения субъекта права. И только с учетом этого элемента ответственности возможно выяснение того, как формировалась ответственность познавательная и волевая. Поэтому имеющаяся в литературе критика рассматриваемой концепции позитивной юридической ответственности представляется обоснованной. Однако это обстоятельство еще не означает, что предложенное понимание позитивной юридической ответственности является единственно возможным, что такого рода ответственность не имеет своего объективного выражения.

Попытки устранить указанный пробел в понимании позитивной юридической ответственности привели в свое время целый ряд авторов к мысли о том, что ее объективное содержание выражается в требованиях необходимого поведения, заложенных в диспозициях правовых норм, в самих уголовно-правовых запретах³⁷. Тем самым было предложено рассматривать юридическую ответственность как явление, равнозначное правовым требованиям.

Положительным моментом такого подхода к определению понятия позитивной юридической ответственности является стремление перевести ответственность из сферы субъективной в объективную, придать позитивной ответственности внешне наблюдаемую форму выражения. Однако при этом, на наш взгляд, допускается ошибка другого рода: в отличие от рассмотренного выше понимания позитивной юридической ответственности в данном случае ответственность трактуется вообще вне связи с субъектом ответственных действий. Строго говоря, здесь анализируется не сама ответственность, а ее предпосылки или, или, как отмечает А.Н. Тарбагаев, нормативно-правовое основание ответственности³⁸. В результате чего последняя лишается вообще какого-либо содержания.

Необходимым условием признания за позитивной ответственностью правового качества является включение в ее содержание не только интеллектуально-волевого аспекта, но и поведенческого. С учетом этого «дополнения» предлагается определять позитивную ответственность в праве как точное добросовестное исполнение субъектом своих юридических обязанностей, опосредованное его высокой сознательностью и чувством долга перед обществом. В рамках этого подхода к определению понятия позитивной юридической ответственности сформирована концепция, в которой внимание акцентируется не столько на мотивационной основе выполнения соответствующих правовых обязанностей, сколько на самом результате – выполнении должного; применительно к уголовной ответственности – фактическом соблюдении требований уголовного закона, уголовно-правовых предписаний³⁹. Этот вариант определения понятия позитивной юридической ответственности представляется наиболее правильным, поскольку он, во-первых, «уравнивает» позитивную юридическую ответственность с негативной (традиционной) ответственностью в плане их объективного выражения (правомерное, неправомерное поведение), а во-вторых, мотивы воздержания субъекта от совершения уголовно наказуемых деяний сами по себе не отрицают добровольного характера ответа на предъявляемые уголовным законом требования. Мотивы соблю-

³⁶ Минкина Н.А. Указ. соч. С. 43–63.

³⁷ См., напр.: Астемиров З.А. Понятие юридической ответственности // Сов. государство и право. 1979. № 6. С. 60; Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань, 1979. С. 26.

³⁸ Тарбагаев А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986. С. 22.

³⁹ Там же. С. 29.

дения уголовного закона могут быть самыми различными. Поэтому отнюдь не всегда, как порой утверждается в литературе, поощряется сознательный, а осуждению и наказанию подлежит несознательный⁴⁰. Нет никаких оснований исключать из сферы правомерного поведения, а следовательно, и не признавать позитивно-ответственным, соблюдение уголовного закона, обусловленное, например, страхом перед угрозой уголовного наказания. Другой вопрос, что в подобных случаях наблюдается расхождение юридической и моральной оценок социально значимого поведения.

⁴⁰ См., напр.: *Петрухин И.Л.* Уголовно-процессуальная ответственность // *Правоведение*. 1984. № 3. С. 68.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.